

УДК 80(477.51)-94

**Лист працівника Інституту літератури (Пушкінський Дім)
АН СРСР В. В. Данилова до члена-кореспондента АН України,
проф. Є. П. Кирилюка про українських літераторів.
Підготовка тексту та примітки Г. В. Самойленка**

Дорогой Евгений Прохорович! [1, 2]

В письме от 30 августа 1961 г. Вы писали мне: "Очень хорошо было бы вам написать воспоминания о Нечуе-Левицком, Гринченко, Оресте Левицком и др. Боюсь, что журнал "Радянське літературознавство" не напечатает их. А, может быть, все-таки напишете?"

Что до печатания, то, перейдя восьмидесятилетнюю границу жизни, я считаю, что выступать в печати и с публичными докладами уже не следует.

31-го мая текущего года я сделал последний доклад в Отделе древнерусской литературы Академии наук СССР на тему: "Уже пустыни силу прикрыла". Комментарии к "Слову о полку Игореве" [3], вернувшись этим по кругу своей научной жизни к ее началу, так как в 1900 г. я начал научные студии в Историко-филологическом институте князя Безбородко сочинением по заданию проф. Н. Н. Сперанского [4] на тему: "Народнопоэтические элементы в "Слове о полку Игореве" и отражение их в сказаниях о Задонском бое".

Когда после названного выше доклада председательствовавший член-корреспондент Академии наук Д. С. Лихачев высказал доброжелательное мнение, что я еще не раз выступлю, на это я ответил словами из думы о смерти Богдана Хмельницкого: "Я стар, болю, бути гетьманом більше не здолію". "Правда, – прибавил я, – в жизни я никогда, ни в каком смысле, не бывал гетьманом, а всегда был только лейстровым козаком, но и последним я бути "не здолію".

Чувствую я себя очень плохо и постоянно вспоминаю стих А. В. Кольцова: "Сила молодая с телом разлучилась". А так как человеческий организм – это машина, где все части находятся во взаимодействии, и порча одних из частей не может не оказывать влияния на другие, то при общей слабости организма не может быть силы также в мыслительном аппарате.

Кроме того, оглядывая пройденный литературный путь, вижу, что не написал ничего, заслуживающего внимания, хотя писал в расцвете

своих физических и умственных сил. Что же теперь, "сидя на санях", как говорил о себе Владимир Мономах, т.е., стоя одной ногой в гробу, мог бы я написать полезного, интересного и значительного?

Воспоминания мои о названных выше писателях совсем незначительны. В этом отношении я напоминаю одного петербуржца, о котором не то читал, не то слышал, что он интриговал знакомых воспоминаниями о Достоевском, и все просили рассказать их. Но господин этот только обещал, что когда-нибудь расскажет. Он, действительно, встречался с Достоевским. Шел раз по Невскому, глядит – у витрины часового магазина стоит Достоевский и рассматривает часы. Господин тоже остановился, но рассматривал не содержимое витрины, а Достоевского. Последний заметил, отвернулся с недовольным видом и пошел. Вот и все воспоминания, которыми господин интриговал общество.

Я нахожусь почти что в таком же положении. Но раз Вы предлагаете мне писать, делаю это в порядке дружеской беседы.

Вы знаете, что я по происхождению не украинец. До 14 лет жил в Смоленске и его уездных городах. По переезде в Нежин в 1895 г. украинская стихия мало-помалу захватила меня и брата Петра [5], который впоследствии печатал рассказы на украинском языке под псевдонимом Петро Перекидько. Ко времени окончания гимназии мы жили украинскими литературными интересами, и Кулиш, Драгоманов, Грушевский, Франко крепко сидели в наших умственных представлениях. Шевченко был нам духовно гораздо ближе Пушкина, отрицательное отношение к которому внушил нам Д. И. Писарев.

Не буду дальше останавливаться на характеристике своих умственных интересов в юные годы, тем более, что я писал о них в воспоминаниях о члене УАН В. В. Резниченко, в очерке "Как я стал фольклористом", имеющих в архиве Института фольклора и искусствоведения УАН, а также в воспоминаниях о Нежинской гимназии конца XIX столетия, находящихся в архиве музея Нежинского педагогического института им. Н. В. Гоголя.

Когда летом 1904 г. вышел из печати мой сборник "Песни села Андреевки Нежинского уезда", я обратился в магазин украинской книги в Киеве, на Безаковской улице, которым заведовал Степаненко, с просьбой взять для распространения несколько экземпляров. Степаненко посоветовал пойти к Б. Д. Гринченко [6] и поднести ему сборник. Дал адрес. Кажется, эта была улица Гоголя. Я отправился. Дама, открывшая дверь, сказала, что Бориса Дмитриевича нет дома, но будет часа через полтора-два. Напротив квартиры или близко от нее был бульварчик с тощими деревьями. Я стал ждать, когда

пройдет назначенное время, и я увижу писателя, фольклориста и поэта. Его стихотворение "До праці!" воспринималось нами как революционно-демократический гимн:

Праця єдина з недолі нас вирве:
Нумо до праці, брати!
Годі лякатись! За діло святеє
Сміло ми будемо йти!
Праця єдина нам шлях уторує,
Довгий той шлях і важкий,
Що аж до щастя і далі прямує:
Нумо до праці мерщій!

Мы читали в этом стихотворении не только те слова, которые оно содержало, но и то, что оставалось в нем между строк. И я сейчас увижу автора этих вдохновенных стихов!

Когда часы отсчитали два часа, я снова звонил в квартиру Гринченко. Отворила та же дама и опять сообщила неутешительную весть, что Бориса Дмитриевича нет дома. Но, видя молодого человека в студенческой форме, спросила, по какому я делу. Я объяснил, что хочу преподнести Борису Дмитриевичу сборник записанных мною украинских песен. Книга была в руках, и это было настолько веско, что дама – это была жена Гринченко [7], писавшая под псевдонимом Загирня, – пригласила войти и ввела в комнату из передней, бывшую кабинетом писателя. Это была небольшая комната. На столах стояли картонные ящики с карточками слов, так как тогда Гринченко работал над украинским словарем.

Тут я просидел недолго, как пришел сам хозяин. Он не сразу вошел в кабинет, а прошел в другую комнату. Из его разговора с женой, доносившегося до меня, я узнал, что Гринченко ходил осматривать сдающиеся квартиры, называл адреса, говорил об их достоинствах и недостатках.

Когда я поднес ему сборник, Гринченко стал листать его и спросил: "Алгебра есть в вашем сборнике?" Я не понял. Он объяснил, что называет "алгеброй" метод опубликования вариантов песен, введенный Рудченком в сборнике чумацких песен. Этот метод я также использовал в своем сборнике.

Гринченко выразил большое удовлетворение, что Нежинский Историко-филологический институт обратился к изучению Украины, и рассказал о том, как Институт пригласил его, когда он был секретарем Черниговского Губернского Земства, содействовать собиранию археологических материалов для XII-го Археологического Всерос-

сийского съезда в Харькове. – Присылает мне, – рассказывал Гринченко, – профессор Добиаш [8] издания Института. Смотрю – ничего местного. Люди живут и работают на Украине, а их книги наполнены материалами в роде экскурсов в область частички LV. Тут я рассердился и написал Добиашу откровенно все, что думаю об их работе..."

Об этом письме Гринченко говорил мне потом проф. М. Н. Сперанский, мой главный учитель. Он полностью соглашался с Гринченко, даже сказал, что Институт воображал себя какой-то *Academie des sciences* и совершенно упустил местные научные интересы.

Рассказывал Гринченко о том, как он печатал украинские фольклорные материалы в "Земском сборнике" Черниговского Губернского Земства. Как редактор этого издания, он сначала "попробовал" поместить в нем "Этнографические материалы, собранные в Черниговском и соседних с ней губерниях". Когда ни председатель Губернского Земства, ни губернатор не возразили против этого, Гринченко стал все шире пользоваться "Земским сборником" для публикации украинского фольклора. Наконец, председатель губернской земской управы сказал ему: "Вы заполняете "Земский сборник" песнями и сказками, как-будто земство только этим занимается".

Когда украинская громада, группировавшаяся вокруг журнала "Киевская старина", пригласила Гринченко в Киев для составления словаря украинского языка на премию Н. И. Костомарова, печатание материалов по украинскому фольклору в "Земском сборнике" естественно прекратилось.

Вторично я встретился с Гринченко, когда был учителем в Екатеринославе, на другой его квартире, по видимому довольно обширной, потому что он принял меня в просторной комнате, где можно было устраивать танцевальные вечера. Я поднес ему несколько оттисков своих статей. Гринченко просил надписать их, так как без дарственных надписей он может сам купить их. Встреча была короткая: Гринченко собирался в дорогу, в Галичину, т.е., по тогдашнему времени, за границу.

Больше я с ним не видался, хотя целое лето 1907 г. прожил в Киеве и знал, что Гринченко живет в городе. Только Д. И. Дорошенко [9] рассказал мне, что Гринченко, просматривая при нем сборник "Пошана", изданный в честь проф. Н. Ф. Сумцова, когда открыл мою статью, начинающуюся его именем: "Б. Д. Гринченко..." выразил нескрываемое удовольствие. А через три года мне привелось поместить его некролог в "Русском филологическом вестнике". Я послал оттиск вдове Бориса Дмитриевича. Она ответила мне письмом, в котором указала, что среди фольклорных

работ ее мужа мною пропущена книга "З уст народа", и прислала ее мне. Умерла Гринченко-Загирня в Киеве в 1928 г.

Вероятно, я – "последний из могикан", сотрудников "Киевской старины", в котором впервые появилось мое имя в 1904 г. под заметкой о западно-украинском похоронном причитании на латинском языке из поэмы "Poholania" польско-латинского поэта XVI столетия Себастиана Кегеновича-Acernus'a. Редактором "Киевской старины" был преподаватель русского языка и литературы в гимназии и кадетском корпусе Владимир Павлович Науменко [10], сыгравший очень большую роль в содержании моей литературной работы. Он был убит 19 июня 1919 года.

Когда в 1907 г. "Киевская старина", название которой считалось несоответствующим ни времени, ни содержанию журнала, превратилась в "Україну", просуществовавшую только один год, я решил написать статью по истории "Киевской старины" и попросил Науменко сообщить мне материалы по этому вопросу, а также рассказать, что он знает сам и помнит.

Науменко пообещал и назначил для воспоминаний день и час; но очень советовал обратиться к Оресту Ивановичу Левицкому [11], который был свидетелем основания журнала и его сотрудником с первого номера. Разговор происходил в последние дни страстной недели. Я заметил, что, может быть, неудобно идти в предпраздничные дни, когда хозяйки так суетятся. Науменко успокоил, что у Ореста Ивановича есть отдельная комната, и я никого не беспокою.

Левицкий жил за рынком, недалеко от Троицкой площади, на горке, в деревянном доме. Кабинет его был небольшой, меньше чем у Гринченко. Один из героев Достоевского говорит, что в тесной квартире даже думать тесно. Но это очень субъективное восприятие окружающего. Обширные palazzo, наоборот, могут рассеивать внимание и не давать возможности сосредоточиваться.

Не помню, был ли Орест Иванович предупрежден о моем приходе. Я застал его дома, и он очень дружелюбно принял меня. Сразу же стал сообщать факты, относящиеся ко времени основания журнала. Я записывал за ним. Часа два длились воспоминания. По окончании беседы я стал просить извинения, что так много отнял у него времени. Но Левицкий сказал, что рад тому, что ему пришлось пережить снова события молодости, и даже поблагодарил за это.

Орест Иванович был сотрудником "Киевской старины" от первого до последнего номера. В первом номере журнала 1882 г.

вторая статья от начала "Южнорусские архиереи в XVI–XVII в." и в последнем номере 1906 г. вторая статья от конца "Новый храм в старом украинском стиле" принадлежат О. И. Левицкому.

Кстати упомяну, что последняя статья, которой оканчивается все издание "Киевской старины", статья, самое название которой звучит как погребальный звон: "Символика птиц и растений в украинских похоронных причитаниях" – принадлежит мне, и мои имя и фамилия – последние слова текста журнала. По этому поводу Науменко пошутил: "Вы, так сказать, припечатали издание".

Судя по литературным работам О. И. Левицкого, я полагал, что он преподаватель истории, но О. И. сказал мне: "По научным симпатиям я – историк, по профессии – словесник". О нем, как о преподавателе, сохранил светлые воспоминания литератор Вс. Чаговец в воспоминаниях "З темряви минулого" ("За сто літ", кн. 6, 1930 г.), где посвященная Левицкому глава называется: "Учитель и друг".

Из личных рассказов-воспоминаний по истории издания "Киевской старины" О. И. Левицкого и В. П. Науменко составила моя статья в "Историческом вестнике", которой редактор С. Н. Шубинский дал название "Литературные поминки".

Как-то летом 1907 года, когда я жил с семьей в Киеве, мы сговорились с Д. И. Дорошенко навестить Ивана Семеновича Нечуй-Левицкого [12], жившего тогда на Пушкинской улице, во дворе, в отдельном домике.

Без предупреждения мы пошли к нему. Подойдя к двери квартиры, услышали звуки рояля: Иван Семенович играл "на самоті". – "Постойм, – сказал я Д. И. Дорошенко, – не будем прерывать его настроения. Может быть, он что-нибудь вспоминает в эти минуты". Но вот музыка замолкла, и мы позвонили. Отворил сам Иван Семенович.

Нечуй-Левицкий был худенький старичок, невысокого роста, на вид простоватый, без того интеллигентного джентльменства, каное было в фигурах и манерах Гринченко и Науменко, и даже без выражения внешней любезности.

На рояли и на одном из столов запомнились мне разных цветов папки приветственных адресов, с надписями, тиснутыми золотом. Домик, в котором жил Иван Семенович, был старинный, провинциального типа, с низкими потолками, не киевского масштаба.

Разговор как-то сразу перешёл на словарную тематику. Ивана Семеновича тогда занимали вопросы, какие слова и обороты принадлежат украинскому языку, какие – нет. Помню, что он называл слово "груба", отопительная печь, указывал, что некоторые отрицают

народность этого слова, и доказывая примерами своего словарного опыта, что в народе это слово в постоянном распространении.

Так как Иван Семенович был преподавателем русского языка в Кишиневской гимназии, я попытался перевести разговор на вопросы преподавания, но он отмахнулся от этого, сказавши, что и раньше учили так же, как теперь, и сослался при этом на Трегубова, бывшего одно время, когда Науменко был привлечен к ответственности, официальным редактором "Киевской старины".

Одну интересную вещь рассказывал Иван Семенович. Ещё за три-четыре дня до убийства Александра II-го, которое произошло 1-го марта 1881 г., кишиневские евреи шепотом, по секрету, передавали, что царь убит, но об этом боятся объявить.

Знакомство с Иваном Семеновичем имело продолжение в моей переписке с ним из Одессы. Я обработал по-украински народную лужицкую легенду и послал ему для литературной правки. Он это сделал. Об этом через Д. И. Дорошенка узнал молодой священник-украинец, которого я не знал и фамилии, которого не помню. Он пришёл ко мне со своею молодою матушкою, сослался на Дорошенко и сказал, что собирался издавать украинские книжки для народа. Поэтому просил дать ему мой рассказ, на языке которого лежит авторитет И. С. Нечуя-Левицкого. Я отдал рассказ в рукописи, с поправками Ивана Семеновича, и больше не видел ни священника, ни своей рукописи.

У меня было пять-шесть писем ко мне Ивана Семеновича, но они были отобраны в 1921 г. чекистами во время обыска, в Тихвине.

Вот и все мои воспоминания о перечисленных Вами лицах. Они были бы богаче фактами и наблюдениями, если бы написаны были, скажем, в 1912–13 гг. Но теперь мои воспоминания уместны только в дружеском письме. Однако, круг украинских деятелей, с которыми я бы знаком, не ограничивается ими. О Владимире Васильевиче Резниченко [13], имевшем сильные влияния на моё развитие и первым вынесшем моё имя в печать, а также о Д. И. Яворницком [14] я писал отдельно; эти воспоминания должны быть в архиве Института искусствоведения, фольклора и этнографии УАН.

Когда я учился в Нежинской гимназии и когда формировалось юное мирозозерцание, на него влияли лично не писатели и учёные украинцы, а люди обывательского покроя, не оставившие следа в литературе, которые, вероятно, не попадут не в чьи мемуары. Я вспоминаю о них попутно, как об участниках панихиды по Шевченко в 1899 г. в Нежине.

Рассказы об этой панихиде, с которой связаны многозначительные личные воспоминания, я закончу беседу с Вами.

В те времена панихиды по Шевченко были иногда единственно возможною формою чествования памяти поэта, но и то не всегда В. В. Резниченко ещё в 1897 г. рассказывал подробное повествования, как студенты Харьковского университета, где он учился, решили устроить панихиду по Шевченко. Нашли священника, согласившегося отслужить её. Но затем, может быть, из опасения прослыть украинофилом, а то по внушительному совету своего или общего начальства он решил уклониться и скрылся. Студенты, собравшихся у какой-то церкви, нашли ее запертою, пустились разыскивать и ловить священника, сбежавшего от панихиды по Шевченко, и к этому сводились все воспоминания Резниченко о ней.

В 1899 г. я был учеником VII-го класса Нежинской гимназии и участником кружков самообразования, как тогда назывались политические кружки, куда входили студенты Историко-филологического института князя Безбородко, гимназисты и гимназистки. В недрах кружков и зародилась мысль отметить годовщину смерти Шевченко. Привлекли к этому страхового агента уездного земства Якова Александровича Гужовского [15], попользовавшегося большим уважением среди местного населения и широко в уезде. Тогда это был человек средних лет, живой, общительный, прогрессивных взглядов, но осторожный. По своим обязанностям он разъезжал по уезду, посещал школы и приобрёл популярность среди школьников чтением басен Леонида Глибова. В 1906 г. Гужовский был избран членом I-й Государственной Думы. В 1928 г. я посещал его в Чернигове, куда он переселился. Несмотря на тридцатилетний срок, как мы не встречались, он узнал меня, вспомнил мою фамилию. Был так же бодр и с удовольствием вспоминал далекое прошедшее.

Гужовский организовал панихиду в окраинной Авдеевской церкви.

В полдень, 26 февраля 1899 г. в Нежине была тёплая, солнечная погода. На улице уже не было снега. На Авдеевке, на скамеечках, у калитках, или, как они назывались в Нежине, у фирток, грелись на солнце мешане. Хотя участники панихиды шли по два-три человека, на некотором расстоянии, но обыватели заметили движения. – "Куди це вони йдуть?" – "Мабуть, на весілля." – "Яке там весілля! Тепер великий піст." Такие реплики слышались во время нашего шествия в церковь.

Кроме Гужовского, участниками панихиды были следующие лица.

Не учащийся был Илья Тимофеевич Гладкий, служивший в акцизной канцелярии. Это был человек лет 40-ка, небольшого роста, холостяк, учившийся в Черниговской духовной семинарии и исключенный из неё. Дома он неустанно читал, и в его комнате стояло два-три простых товарных ящика, битком набитых книгами. Голос его был хриплый, резкий, манера говорить какая-то презрительная, и говорил он на том смешанном украинско-русском жаргоне; какой широко был распространён в полуинтеллигентных кругах на Украине. После революции, как сообщил мне Гужовский, Гладкий перешел на село и стал деятелем волостного комитета. В украинском отношении он настроен был крайне националистически.

Студент Историко-филологического института Александр Федорович Музыченко [16], пользовавшийся большим авторитетом среди некоторой части учащейся нежинской молодёжи, не был настроен ни революционно, ни националистически, но как-то умел влиять на молодёжь, которая его слушала. Вспоминается такая сцена. Музыченко стоит с двумя-тремя гимназистами посреди Гоголевской улицы, вечером, и что-то проповедует. По панели проходят его товарищ-однокурсник Николай Севастьянович Державин [17]. – "Александр Федорович, – говорит громко Державин, – перенеси свою аудиторию хотя на тротуар, не стой среди улицы!" Оба смеются, и Музыченко переходит на тротуар.

Различна была судьба этих двух когда-то товарищей и друзей. Н. С. Державин – в последствии академик, член Академии наук СССР и Болгарской академии наук, оказавший большое влияние на развитие словяноведения в Советское время. А. Ф. Музыченко – в последствии профессор педагогики в Киеве, но пришедший к могиле не под звуки победного марша. В Киеве были известны его любовные похождения среди учёных, и в одной газете появилась статья по этому поводу с ироническим названием: "Музыченко виховує". Зашла даже речь о передаче его суду. В это время он подарил мне составленную им украинскую азбуку с такою надписью, отражающею наши отношения и его нравственное состояние: "Владимиру Валериановичу в знак преклонновозрастных воспоминаний о горячих притяжениях и отталкиваниях юных лет, о весеннем бегстве с лекций и уроков к пастушкам на заре нашей жизни и в знак горестного недоумения перед концом своей жизни. 19.IV.35." Во всём этом "горестном" была виною его жена Евгения Юрьевна, погубившая и мужа, и сыновей.

Михаил Михайлович Панибратцев [18], из вологодских духовных семинаристов. Как и все семинаристы, не пошедшие по священству,

был атеист и революционер. Хотя в Институте шел по институтскому определению, почему-то, будучи учителем, написал и издал начальную грамматику русского языка, о которой знаю по критическому разбору в "Журнале Министерства народного просвещения". Жизненная карьера Панибратцева, игравшего в нежинских кружках роль Рудина, была не широка: он был учителем средней школы в местечке Мрине Нежинского уезда.

Вячеслав Митрофанович Лащенко [19], человек эмоционального темперамента, страстно преданный украинской идее, но не имевший ни определенной политической программы, ни серьезного взгляда на жизнь; производивший впечатление на какого-то духовного праздношатания. Поссорившись с проф. М. Н. Сперанским, перешел из нежинского института в Варшавский университет, по окончании которого был учителем гимназии в Кавказском, Киевском и Одесском округах. По сообщению А. Ф. Музыченки, после занятия Бессарабии советскими войсками эмигрировал, как крайний украинский националист, в Румынию. Однако стихи сочинял на русском языке; из них мне запомнился, благодаря своему варварскому ударению, один стих: "Я жить хочу! Зачем отчаиваться!"

Александр Африканович Красин [20], из пензенских гимназистов; обычный либеральный студент; был потом преподавателем в Киеве.

Ученики VIII-го класса: Михаил Ткаченко и Петр Каневец. О последнем есть некролог в "Украине" 20-х годов, как о переводчике на украинский язык "Коммунистического манифеста". Оба обладали завидными способностями и оба учились хорошо. Каневец был настроен резко – революционно, презирая и высмеивал всё, что не отвечало его настроенности.

Ученики VII-го класса: Леонид Львович Исаев, в последствии присяжный поверенный в Москве, мой гимназический приятель, и мы с братом Петром, своею революционностью обративший на себя внимание гимназического начальства, о чём я рассказываю в гимназический воспоминаниях.

Были ещё две-три гимназистки, из которых одна Юлия Федорцова, или по-украински Уля, стала потом моею женой.

Впрочем, может быть, я кого-нибудь забыл.

Престарелый священник искренне и задушевно молил да простятся рабу божию Тарасию "всякая прегрешения, вольная же и невольная", пономарь выводил заубойным голосом: "Господи помилуй!" – но из собравшихся, поскольку все они были тем, что, французы называют *Chommes de libre pensee* – никто ни разу не перекрестился.

Это заметил пономарь, стоявший к присутствующим в пол-оборота, о чём, очевидно, доложил священнику.

После панихиды не полагается выносить на престольный крест для целования, — это делается после молебны. Но священник, узнав от пономаря, что присутствовавшие не крестились, решил заставить их сделать это. Он вышел из алтаря с крестом и сказал: "Я думаю, что здесь все православные, и никто не откажется приложиться ко кресту Господню".

Это заставило всех подойти ко кресту, а подойдя перекрестится.

Когда вышли из церкви, Гужовский пригласил всех к себе вечером "на вареники".

Но у меня эту панихиду соединялась романтическая цель. Я просил Леонида Исаева познакомить меня с Улей Федорцовой. В наше время отношения между учащимися разных полов были иные, чем теперь. Во-первых, все говорили друг другу "вы". Не помню ни одного случая, чтобы кто-либо из гимназистов был с какою-либо гимназисткой на "ты". Во-вторых, на улице ученик мог подойти к ученице, если он был формально представлен ей и считался знакомым. В-третьих, было бы просто уголовным происшествием, если бы ученик бил ученицу по голове книгой, кулаком в спину, хватал её за косу, как это не раз приходилось видеть на улицах Ленинграда. Нечего говорить, что ни один гимназист не позволил бы себе при ученицах произнести неприличное слово, то также приходилось наблюдать на улицах в нынешнее время. Вообще, гимназисты и гимназистки, по крайней мере, в Нежине, поскольку они носили обязательную форму, держали себя в общественных местах с достоинством и серьезностью.

На пути из церкви Исаев подвел меня к Уле Федорцовой: "Позвольте представить вам моего товарища".

Знакомство завершилось по окончании мною Института женитьбой. То было в 1899 году, а сейчас 1961 год. Крепкое было благословение Тараса, нашего загробного свата!

Вечером мы собрались у Гужовского.

Лашенко читал по рукописи запрещенные поэмы Шевченко "Сон" и "Кавказ". Читал с дрожью в голосе и чуть не со слезами на глазах.

Гладкий выступил с предложением начать сбор денег на украинский университет во Львове, так как существовавший там университет был польский, и мы дали с братом из своих очень скудных средств по 50 копеек. Не знаю, дошла ли до Львова хотя одна копейка! Гладкий отчёта не давал, и все забыли об этом.

Гужовский предлагал, как он говорил, "менять на деньги" украинские книги, выпущенные Черниговским Губернским Земством. Я променял у него деньги на байки Леонида Глибова, которые и сейчас, через 62 года, стоят у меня на полке. Это издание 1895 года. Я люблю книги – спутники жизни, которые живут со мною несколько десятков лет. В часы раздумий – это лучшие собеседники.

Закончился вечер у Гужовского традиционными варениками.

Когда мы вышли от него, в Нежин вернулась зима: земля, крыши домов – все белело снегом, и он шел и шел крупными, мягкими хлопьями.

Это были поминки уходящей зимы по Тарасе.

Если во всем, что я написал Вам, дорогой Евгений Прохорович, Вы и глубокоуважаемая Зинаида Васильевна [21] найдете хотя бы что-нибудь интересное для себя, я буду считать время, положенное на это длинное письмо, не напрасным.

А затем, желаю Вам и всей Вашей милой семье здоровья и благополучия!

С искренним уважением и доброжелательством к Вам

Владимир Данилов

2-го декабря 1961 года

Ленинград

Примітки:

1. Данилов Володимир Валер'янович (1881–1970) – український і російський літературознавець, фольклорист, етнограф. Закінчив при Історико-філологічному інституті кн. Безбородька класичну гімназію (1901), а потім інститут (1905), працював у різних закладах України та з 1911 р. у Петербурзі–Ленінграді, зокрема у 1948–1956 рр. – в Інституті російської літератури (Пушкінському домі) АН СРСР. Значна частина наукових праць присвячена різним окремим діячам української культури (Т. Шевченку, М. Гоголю, М. Максимовичу, М. Садовському та іншим), а також "Слову о полку Ігоревім", журналам "Киевская старина", "Основа", творам фольклору.

2. Кирилюк Євген Прохорович (1902–1989) – відомий український літературознавець, член-кор. АН України (з 1957 р.), заслужений діяч науки України (з 1972 р.), керівник відділу шевченкознавства Інституту літератури ім. Т. Шевченка НАН України (1944–1973) інші відомості (1946–1984 рр.). Автор понад 800 праць про українських письменників XIX–XX ст., значна їх частина присвячена фундаментальним дослідженням життя і творчості Т. Шевченка.

3. 31 травня 1961 р. В. Данилов виступив з науковою доповіддю "Комментарий к выражению "Слова о полку Игореве" "... уже пустуни силу

прикрила..." на засіданні сектору давньоросійської літератури ІРЛІ АН СРСР, на якому був присутній керівник сектору академік Д. С. Лихачов.

4. Сперанський Микола Несторович (1863–1938) – відомий учений-філолог, академік АН СРСР (з 1921 р.). З 1895 до 1906 року працював професором Історико-філологічного інституту кн. Безбородька. Основні наукові інтереси вченого пов'язані з давньоруською літературою, а також словесністю XIX ст. В інституті вчений керував науковою працею студента В. Данилова.

5. Данилов Петро Валер'янович (1880–1949) – брат В. В. Данилова, з яким разом навчалися у гімназії при Історико-філологічному інституті кн. Безбородька у Ніжині, який закінчив у 1900 році, брав активну участь у гуртку самоосвіти. Після закінчення навчання у гімназії вступив на історико-філологічний факультет Московського університету, а потім перейшов в Університет Св. Володимира, не закінчив, тримав тут екзамен на звання учителя гімназії. Був викладачем у Феодосії та інших містах. В останні роки життя був працівником музею в Севастополі. Писав літературні твори українською мовою під псевдонімом Петро Перекидько, а також російською мовою.

6. Грінченко Борис Дмитрович (1863–1910) – відомий український письменник, педагог, фольклорист, літературознавець, лексикограф. У 1894–1902 роках працював на різних посадах у Чернігівському земстві. Одночасно займався збиранням фольклорних творів, видавав книжки для народу, художні твори відомих українських письменників, альма-нахи (з 1894 до 1902 року вийшло 45 видань накладом 200 тис. прим.). У 1902 р. переїхав до Києва, де працював редактором українських щоденних газет, голова товариства "Просвіта" (1906–1909), очолював Всеукраїнську учительську спілку (1905–1907), підготував і видав "Словарь української мови" (т. 1–4) у 1907–1909 роках, відзначеного премією Академії наук Росії.

7. Грінченко Марія Миколаївна (1863–1928), псевдонім Загірня, українська письменниця, перекладач, педагог, громадський діяч, дружина Б. Д. Грінченка, брала участь у впорядкуванні та виданні "Словаря української мови" (у 4-х томах). У 1910–1918 рр. керувала видавництвом ім. Б. Грінченка.

8. Добіаш Антон Вячеславович (1847–1911) – професор. Після закінчення Празького університету (1869) і прослуховування лекцій у С.-Петербурзькому університеті з 1875 р. працював наставником студентів, а після захисту магістерської (1878) і докторської дисертації (1898) професором Історико-філологічного інституту кн. Безбородька у Ніжині. З 1894 р. в інституті з ініціативи професорів М. М. Бережкова та А. В. Добіаша було сформоване Історико-філологічне товариство, яке видавало "Сборник Историко-филологического общества при институте кн. Безбородко в Нежине". У 1900 р. А. В. Добіаш очолив створену в

інституті археологічну комісію. Брав участь в Археологічних з'їздах. Саме до А. В. Добіаша звертався Борис Грінченко з питань покращення українознавчої тематики у науковому збірнику товариства.

9. Дорошенко Дмитро Іванович (1882–1951) – український політичний діяч, історик, літературознавець. У 1907–1909 роках – студент Університету Св. Володимира у Києві.

10. Науменко Володимир Павлович (1852–1919) – громадський діяч, педагог, філолог, журналіст, етнограф. 1897–1906 – редактор, а 1902–1906 рр. – видавець щомісячного історико-етнографічного і літературного журналі "Киевская старина"), автор понад 115 журнальних публікацій. При В. П. Науменку журнал стає органом українознавства, друкує статті про право українського народу мати свою власну мову, вільний розвиток української літератури. У 1898 р. В. П. Науменко добився права на публікацію в журналі художніх творів українською мовою і створення української друкарні, а 1900 р. – відкрити книжковий склад "Киевской старины".

11. Левицький Орест Іванович (1848–1922) – український історик, етнограф, письменник, академік АН України з 1908 р., президент ВУАН (1922). Автор понад 200 праць. Співробітничав у журналі "Киевская старина", брав активну участь у роботі різних наукових установ та товариств: 1874–1921 рр. був секретарем Тимчасової комісії для розгляду давніх актів, членом Історичного товариства Нестора-літописця, Наукового товариства імені Шевченка.

12. Нечуй-Левицький Іван Семенович (1838–1918) – відомий український письменник, автор відомих творів: повість "Микола Джеря" (1878), "Кайдашева сім'я" (1879), роману "Хмари" (1874), "Над Чорним морем" (1890), повісті-хроніці "Старосвітські батюшки та матушки" (1884–1888), історичного роману "Князь Єремія Вишневецький" (1897) та повісті "Гетьман Іван Вигодський" (1899). Після закінчення духовної академії (1861–1865 рр.) працював викладачем Полтавської духовної семінарії (1865–1866 рр.), у гімназіях Каліша (1866–1867 рр.), Седлеця (1867–1873 рр.), Кишинєва (1873–1884 рр.). 1885 р. вийшов у відставку і переїхав до Києва, де займався літературною працею.

13. Резніченко Володимир Васильович (1870–1932), відомий учений-геолог, академік ВУАН (1929), директор Інституту геологічних наук (1930–1932), художник-карикатурист, поет і перекладач. Закінчив Ніжинську гімназію при Історико-філологічному інституті кн. Безбородька (1891), Харківський університет (1896). Під час навчання у Харківському університеті він приїжджав у Ніжин на канікули до матері і бабусі. В. Данилова познайомив з ним товариш по гімназії Петро Лапа. В. Данилов близько зійшовся з В. Резніченком, давав йому читати свої вірші, і той сприяв появі їх у дріці, за що юний поет називав студента "своїм хрещеним батьком". В. Данилов згадував: "Знайомство з Резні-

ченком мало сильний вплив на мій розвиток. Він давав книги зі своїх полиць, а ближче познайомившись, став давати нелегальні гектографічні брошури".

14. Яворницький Дмитро Іванович (1855–1940) – український історик, етнограф, дослідник українського козацтва, письменник, дійсний член НТШ (1914), ВУАН (з 1929), закінчив Харківський університет (1881), як обдарований студент був залишений на кафедрі для підготовки на посаду професора. Лекції читав у багатьох вишах, підтримував дружні зв'язки з діячами культури. У 1884 р. був обвинувачений в "українофільстві". Працював у Москві, Петербурзі. На нього мав великий вплив М. Костомаров. Підтримував зв'язки з В. В. Тарновським, захоплювався історією запорожських козаків. Укріплюються взаємини з багатьма діячами національно-визвольного руху та української культури.

15. Гузовський Яков Олександрович – громадський діяч Чернігівщини, страховий агент повітового земства, член І-ї Державної думи (з 1906 р.). Проживаючи у Ніжині, впливав на громадське і культурне життя міста.

16. Музиченко Олександр Федорович (1879–1937) – український учений педагог, методист. У 1900 р. закінчив словесне відділення Історико-філологічного інституту кн. Безбородька. Працював у Одеській чоловічій гімназії (1900–1904), у Новоросійському університеті (1904–1906), удосконалював знання в Ієнському університеті (Німеччина) (1906–1908). У 1908–1910 рр. працював у Історико-філологічному інституті кн. Безбородька, а потім у навчальних закладах Києва.

17. Державін Микола Севастіанович (1877–1963) – літературознавець, історик, академік АН СРСР (1931), почесний член АН БРСР, Болгарської АН (1946), закінчив Історико-філологічний інститут кн. Безбородька в Ніжині (1897–1900). Працював у навчальних закладах та наукових установах Ленінграда.

18. Панібратцев Михайло Михайлович, родом був із Вологди. За його спогадами на нього мали великий вплив політичні засланці, яких було чимало у Вологодській губернії. Закінчив семінарію. У 1900 р. закінчив Історико-філологічний інститут кн. Безбородька у Ніжині. Під час навчання пропонував молоді створити гурток самоосвіти. В. Данилов познайомив М. Панібратцева зі студентом Харківського університету В. Резніченком. Восени 1898 р. на квартирі останнього пройшли збори молоді, на яких був заснований "Центральний гурток самоосвіти", де читали твори М. Горького, В. Вересаєва та інших письменників, а також заборонену літературу.

Члени Центрального гуртка повинні були організувати інші гуртки самоосвіти. М. Панібратцев, О. Красін і В. Данилов були направлені у гурток судового пристава Станкевича. "Панібратцев тут був таким Рудіним".

19. Лашенко В'ячеслав Митрофанович, навчався в Історико-філологічному інституті кн. Безбородька, перевівся у Варшавський університет, працював у різних гімназіях Київського, Одеського та Кавказького навчальних округів. Його відносили до свідомих українців. Пробуджував національну свідомість учнів, мав вплив на Чижевського, коли працював в Олександрії. А тому адміністрації гімназій вважали його "небезпечним для цілісності Російської імперії. Емігрував за кордон.

20. Красін Олександр Африканович, закінчив Пензенську гімназію і вступив на історичне відділення Історико-філологічного інституту кн. Безбородька у Ніжині, який закінчив у 1901 р. і працював викладачем.

21. Кирилюк Зінаїда Василівна (1926), доктор філологічних наук, професор, літературознавець, невістка Є. П. Кирилюка.